

Н. Х. Шамеева

Мария Корчинская

ИЗ ИСТОРИИ АРФОВОГО ИСКУССТВА

ББК 85.315.3-8

Ш19

Автор выражает благодарность директору Института «Академия имени Маймонида» РГУ им. А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство) Янкелике Сушковой-Ириной за помощь в издании книги

Редакционная коллегия

Николай Ламперт, доктор философии, советолог Бирмингемского университета (1970–1989)

Карен Ворн, заведующая кафедрой арфы Королевской академии музыки (Лондон), член правления и заместитель артистического директора Международного арфового конгресса

Янкелика Сушкова-Ирина, кандидат культурологии, профессор Института «Академия имени Маймонида» РГУ имени А. Н. Косыгина

Вероника Ирина-Коган, кандидат философских наук, профессор Института «Академия имени Маймонида» РГУ имени А. Н. Косыгина

Шамеева Н. Х.

Ш19 Мария Корчинская. Из истории арфового искусства / Н. Х. Шамеева. — М.: Издательство «Человек», 2021. — 104 с. + 96 с. илл.

ISBN 978-5-906132-62-8

Мария Александровна Корчинская (1895–1979) — прославленная арфистка, ученица А. И. Слепушкина. Уже в годы учёбы в Московской консерватории она выступала со Скрябиным, Рахманиновым, Дебюсси, Кусевицким, была среди организаторов Персимфанса, стала солисткой оркестра Большого театра и первой арфисткой, окончившей консерваторию с золотой медалью. Она преподавала в консерватории лишь немногим более пяти лет (1919–1924), однако оставила глубокий след в развитии арфового образования и исполнительства в России, воспитав «королеву арфы» Веру Дулову. После эмиграции Мария Корчинская заново построила исполнительскую карьеру в Великобритании, а в 1960-х годах вернулась к преподаванию. Была членом жюри многих конкурсов и вместе с выдающейся голландской арфисткой Фиа Бергхаут вела знаменитые Недели арфы в Голландии.

В книге содержатся документы из архивов Московской консерватории, письма и фотографии. На основе материалов и воспоминаний учеников воссоздана нигде не изданная методика Марии Корчинской.

ISBN 978-5-906132-62-8

© Н. Шамеева, 2021

Содержание

От автора-составителя.....	4
Жизнь и творчество Марии Корчинской	
Автобиография.....	10
Революция.....	19
Персимфанс.....	21
Список произведений, исполняемых Марией Корчинской в период 1924–1930 годов.....	33
Вторая мировая война.....	39
Послевоенные годы.....	40
Студийные записи.....	43
Недели арфы в Голландии и Фиа Бергхаут.....	44
Мария Корчинская и её ученики.....	52
Ханна Фрэнсис.....	55
Хилари Уилсон.....	58
Шян Морган Томас.....	65
Карен Ворн.....	70
Брайен Дэвис.....	75
Отзывы прессы.....	84
Метод Марии Корчинской.....	88

От автора-составителя

Решение написать о Марии Александровне Корчинской появилось в 2019 году, когда я готовила к печати сборник произведений для арфы «Из библиотеки Веры Георгиевны Дуловой». Я писала комментарий, искала упоминания об исполнителях Фантазии-экспромта Ф. Шопена в переложении В. Поссе. Обнаружила в книге К. А. Эрдели, что в 1912 году для неё играл это произведение А. И. Слепушкин¹. Когда Слепушкин ушёл из жизни, то на концерте, посвящённом его памяти, который состоялся 2 мая 1919 года в консерватории, Мария Корчинская исполнила Фантазию-экспромт Шопена в оригинальной тональности согласно программе концерта. Скорее всего это было переложение В. Поссе в тональности *c-moll*, так как в следующих выступлениях указана именно эта тональность².

Имя Корчинской, хотя никогда не исчезало из моей памяти, принесло воспоминания прошлых лет, и прежде всего — встречу на конкурсе в Израиле в 1965 году. Как вспоминала Вера Георгиевна, после конкурса Мария Александровна посоветовала ей обратить внимание на Наташу Шамееву.

Вера Георгиевна каждое лето брала меня в Алушту, где у неё и Александра Иосифовича Батурина был небольшой домик. Она привозила с собой французскую арфу, можно

---

¹ Эрдели К. Арфа в моей жизни. М.: Музыка, 1967. С. 78.

² См. *фото* 12 вклейки.

было всё лето играть; Вера Георгиевна два раза в неделю со мной занималась, готовила к конкурсам.

Конечно, на уроках Дуловой имя Корчинской звучало постоянно. Вера Георгиевна любила своего педагога. Следовала её принципам, основанным на методе Слепушкина, и «порядок в игре» — любимое выражение Дуловой — она получила от Корчинской. Интересно, как в недавно вышедшей книге Елены Владимировны Дуловой в соавторстве с Борисом Николаевичем Морозовым, где напечатаны дневники юной Верочки, её бабушки А. Ю. Зограф-Дуловой, её матери М. А. Буковской, в записи от 4 декабря 1922 года Верочка Дулова пишет, что она решила уйти от Эрдели: «...Революция! Я делаю революцию!!! Перехожу к М. А. Корчинской. Страшно это даже писать»³. И далее, от 1 марта 1923 года: «То, что я раньше думала не совершится, совершилось. Я перешла к Корчинской. Сегодня была на уроке первый раз. Это чудо, профессор, каких мало. И ученицы все такие милые. Я сегодня очень волновалась и они все уговаривали меня не волноваться. Я рада, рада, рада!...»⁴

Всего полтора года училась Верочка у Корчинской, но на всю жизнь осталась ей благодарна, и в своей педагогической деятельности следовала её советам. Отъезд Марии Александровны за границу был воспринят как катастрофа.

Запись из дневника от 27 августа 1924 года:

«...Моя дорогая Мария Александровна уезжает за границу. Боже мой! Несчастные мы арфисты. Что мы будем делать без неё... Она сказала, что наверное до января. Но этот январь! Я знаю, что это значит...

---

³ Дулова Е. В., Морозов Б. Н. Для памяти минувших дней. Дуловы. Зографы. Мемуары, дневники, письма. М.: Буки Веди. 2016. С. 165.

⁴ Там же. С. 166–167.

<...> Вот уж — “Человек предполагает, Бог располагает”. Что делать? Не знаю! Ужасно тяжело»⁵.

И дальше:

«Среда 3 сентября.

Уехала дорогая Мария Александровна!

Как тяжело было расстаться с ней.

Что-то будет!.. С каждым моим словом, с каждой буквой она всё отдаляется от нас, дальше... дальше...

Мы снимались, и она вышла как живая, красавица! Оставила мне адрес (заграничный) и передала мне своих младших учеников. Уехала...»⁶.

«3-го вечером [*сентябрь 1924 года*]. Как тоскливо... Сидела и редела под аккомпанемент Григоровской сонаты. Зачем, зачем она уехала и оставила нас арфовыми сиротами. Кто покажет нам всё, кто рассеет все наши затруднительные положения? — Никто. Никто кроме неё. Мария Александровна — Ангел-хранитель мой, почему? Не знаю. Она только может успокоить, всё досказать. И вот не будет она сидеть в зале и слушать. Никто не скажет, кроме неё без лести, как я сыграла. А сыграю ведь плохо без неё...»⁷.

Студенты редко так беззаветно преданы своему педагогу, но, к счастью, бывают и исключения. Сохраняя преданность Марии Александровне, Вера Георгиевна очень скоро стала выдающейся арфисткой, и начала свою творческую жизнь.

---

⁵ Дулова Е. В., Морозов Б. Н. Для памяти минувших дней... С. 169–171.

⁶ Там же. С. 170.

⁷ Там же.

Очевидно, работа над сборником, чтение дневников всколыхнули все мои воспоминания, и решение написать о Марии Александровне Корчинской стало необходимостью. После конкурса в Израиле я встречалась с Марией Александровной в Голландии на Неделях арфы, куда Вера Георгиевна брала меня с собой пять раз. В 1968 году играла сольный концерт на Неделе, о котором Корчинская писала в журнале ассоциации французских арфистов: «Наталия Шамеева исполнила произведения Баха, Хиндемита, Гильмана, Флотхёйса, Слонимского, Прокофьева, Хачатуряна, Дарси и Гранжани. Эта солистка вызывает восхищение своей блестящей техникой и совершенством интерпретации каждого произведения»⁸.

В следующем году я выступала на международном конкурсе в США, в Хартфорде, получила I премию. Мария Александровна прислала письмо с поздравлением (*фото 1*).

Когда в 1972 году родился мой сын Александр, я получила от Корчинской вместе с поздравлением серебряную чайную ложку викторианской эпохи — «на зубок», как говорили в России. Кстати, и от Веры Георгиевны хранится серебряная ложка «на зубок».

В 1979 году Мария Александровна ушла из жизни, и в Голландии состоялся концерт её памяти, где выступали арфисты из разных стран. Мне выпала честь представлять Советский Союз. После концерта уже её дочь Натали Брук (Nathalie Brooke) писала мне (оригинал письма — *фото 2*):

«Дорогая Наталия,

Вы были так добры, написав мне о моей маме такое замечательное письмо. Ей очень нравилось Ваше

---

⁸ Korchinska M. Semaine Internationale de la Harpe, 1968, Queekhoven, Breuklen // Association Internationale des Harpistes et Amis de la Harpe, 1968, December. P. 32.

исполнение на арфе, намного больше, чем я могу выразить словами. Вы были одной из её любимиц (кого она предпочитала). Она чувствовала по Вашей игре, что великая школа, которую она прошла и преподавала в Московской консерватории, продолжает жить, и это действительно так. Будете ли Вы в Голландии этим летом? Я надеюсь, что «да», мне так хочется увидеть Вас снова, и моя дочь, мой брат и я очень сожалеем, что не были [нрзб] на концерте памяти Марии Корчинской.

Ещё раз благодарю, дорогая Наталия, Вы всегда занимаете особое место в моём сердце.

С любовью

Натали Брук»

В 1983 году я была членом жюри на конкурсе имени Марии Александровны Корчинской в Великобритании, который открывала сольным концертом.

С Натали мы часто встречались в Москве, куда она в качестве переводчика привозила туристов из Англии.

В 2006 году по приглашению Королевской академии музыки в Лондоне я выступала с сольными концертами и давала мастер-классы. В конце моего пребывания Натали устроила приём, на который собрались ведущие арфисты Лондона (*фото 4*).

Мы много лет не виделись, но поддерживали связь через бывших учеников Марии Александровны. Когда Большой театр приезжал в Лондон, Натали всегда приходила на балетные спектакли. Последние годы она жила в пансионе с полным обслуживанием, но продолжала выезжать на концерты и спектакли, хотя уже была очень больна. В октябре 2019 года Натали ушла из жизни в возрасте 96 лет.

Мария Александровна Корчинская оставила глубокий след в развитии школы игры на арфе в России, и мы должны об этом помнить, и рассказывать молодому поколению, кто создавал отечественное арфовое искусство.

Одна из последних учениц Марии Корчинской, Карен Ворн (Karen Vaughan), прислала мне большое количество материалов, связанных с жизнью Марии Александровны. Сохранились и журналы Ассоциации арфистов Великобритании (УКНА), где была напечатана часть её автобиографии. К сожалению, автобиография обрывается на 1911 году, когда Мария Александровна окончила консерваторию и совершила несколько поездок с отцом. Очень интересно, как она уже в зрелые годы видела своё детство, юность. Автобиография записана со слов Марии Александровны её учеником Брайеном Дэвисом (Brian Davis) и напечатана в журнале УКНА № 101 за декабрь 1992 года⁹.

Основная часть книги — это перевод материалов из очерка о жизни и деятельности Марии Корчинской, который составил её внучатый племянник Николай Ламперт¹⁰.

Любопытны слова, предпосланные Марией Александровной автобиографии: «Как профессиональная арфистка я записала мою первую большую пластинку в 1962 году¹¹ и, оглядываясь на свою жизнь, представляю её себе как очень насыщенную (напряжённую) и очень разнообразную долгоиграющую пластинку».

---

⁹ HARP. United Kingdom Harp Association Magazine. № 101, 1992, December.

¹⁰ Lampert N. Maria Korcinska. A Sketch. Manuscript. London, 2015. 45 p.

¹¹ См. *фото 3*.

Автобиография М. А. Корчинской¹

«Я родилась в Москве, в семье землевладельца, который не имел ничего общего с артистическим миром. Мы были поляками, но уже четыре поколения жили в России, совершенно обрусели и во взглядах, и в жизни. Моё детство прошло под сильным давлением отца. У него была железная воля и ультрасовременные взгляды. Он считал, что настало время, когда люди его класса должны работать профессионально. Он отдал своё наследство сводному брату и стал читать лекции по математике и инженерному делу в Московском университете и позже, кроме преподавательской работы, занял высокий пост в Департаменте управления железными дорогами. Его первая жена родила сына, который умер, отец очень переживал. В сорок два года он женился на моей матери, которая была родом из Молдавии. Ей было двадцать пять лет. Это была типичная леди позднего викторианского периода, с нежным воспитанием. Её преданность Римской католической церкви резко контрастировала с атеизмом и либеральными идеями моего отца. Но он был силой, которая нас формировала. Он требовал дисциплины. И я, как старшая, вынуждена была терпеть все его эксперименты. Нас развивали умственно и физически. Мне не было ещё трёх лет, но я уже умела читать и писать. Отец занимался с нами сам, и я ужасно боялась его уроков, так как он был очень требователен. Холодные ванны и упражнения, как считал отец, развивали нас физически, воспитывая силу и мужество. Но жизнь была не только суровой. Отец был чиновником высокого ранга, мы жили в официальной резиденции с большим садом, где играли с наслаждением.

---

¹ Приводится с небольшими сокращениями в свободном переводе и дополнена комментариями и фотографиями архивных документов.

Мать заботилась о нашем здоровье, сомневаясь в режиме, который требовал отец. Но её влияние не простиралось дальше детской. Когда я была маленькой, помню нашу поездку в Польшу. Мама и тётя хотели посетить знаменитый костёл и взяли с собой детей. Отцы об этом ничего не знали... Время шло, деньги таяли, и надо было возвращаться домой. Ехать пришлось во втором классе. Взрослые сказали нам пошуметь, и мы, разогнав всех пассажиров, с комфортом вернулись домой, где нас встретили разъярённые отцы.

Когда мне было шесть лет, умерли две мои сестры от скарлатины. Меня и ещё одну мою сестру отправили с няней к бабушке в Молдавию со строгим приказом каждые три недели писать отцу. Мы провели восемь замечательных месяцев в Молдавии, свободные от московской дисциплины. Бабушка посылала нам дыни, кукурузу, орехи, вино из своего поместья. Сестра моей матери, прекрасная женщина, и её сын, очень тяжёлый мальчик, были с нами. Моей тёте нравились мои волосы, она хотела видеть меня красивой и дважды в день причёсывала. Мне это надоело, и я обрезала волосы, была наказана, но в отместку спряталась на целый день в большой корзине для хранения муки. Все волновались, заглядывали даже в пруд. Вечером я появилась, была наказана, но взяла реванш. В Молдавии я заболела малярией, бредила. После выздоровления мы все поехали к дяде, у которого было большое имение. Он был губернатором половины кавказской провинции, его жена — замечательная женщина, с которой я дружила долгие годы. Отец навестил нас в Молдавии, и на сей раз не был таким требовательным, но мы скоро должны были вернуться в Москву...

Моя мать родила двойню, опять пелёнки, крики, беспорядок; тем не менее, отец снова занялся нашим

воспитанием: “Какую профессию ты выбираешь? Сейчас каждый должен быть профессионалом”. Он был убеждён, что после следующей проигранной Россией войны, мы все должны будем зарабатывать на жизнь. В мои семь лет я должна была изучать географию, анатомию, заниматься рисованием, скульптурой, играть на фортепиано и учить обычные предметы. Что касается языков, то мы говорили по-польски и по-русски, но отец считал, что мы должны знать языки не только наших друзей: французский и английский, но и языки наших потенциальных врагов. Я стала изучать немецкий, а моя сестра — японский. Предвидение моего отца оправдалось: японская война принесла нам первый вкус незащищённости, а в 1914 году мы знали, что должны работать.

С шести до десяти лет я каждое утро по два часа занималась с моим отцом, который хотел понять к чему способны его дети. Он решил, что я имею призвание к музыке, и поэтому мои занятия на фортепиано стали интенсивней. Я их ненавидела. Арфа появилась, когда мне исполнилось девять лет...

Я никогда не помню себя ребёнком, с детства обязанности и ответственность. Нам не разрешалось вызвать слугу, мы всё должны были делать сами. Свобода и веселье были случайными моментами, когда мы могли убежать и играть с другими детьми в саду или на каток, хотя у нас практически не было друзей. Большая часть жизни состояла из сурового тренинга.

В возрасте десяти лет меня отдали в Московскую консерваторию. Наконец-то свобода! Консерватория тогда процветала. Конкурс на поступление был строгим: нас экзаменовали по фортепиано, проверяли слух, были и другие тесты. Поступало триста человек, из сорока принятых я была самая младшая. Моя бабушка приехала из Молда-

вии убедить своего зятя, что для девочки моего возраста это образование не годится, что надо отдать меня в специальную школу для детей высшего света, но мой отец настаивал на своём, и я была счастлива получить свободу и друзей. Я была накануне моих шести прекрасных лет».

В архиве Московской государственной консерватории до сих пор хранится «дело» Марии (по паспорту Люциановны-Александровны) Корчинской. Первый любопытнейший документ «дела» — обращение Люциана Ивановича Корчинского к директору Московской консерватории Императорского Русского музыкального общества с просьбой допустить к приёмным экзаменам его дочь (*фото 5*).

Корчинская продолжает: «Я начала заниматься на арфе и фортепиано. Оба инструмента были специальными. Раз в месяц мы должны были выступить перед всеми учениками и, если выступления были удачны, нас отбирали на публичные концерты, которые устраивались три-четыре раза в году. Великие музыканты были нашими педагогами. Мы занимались гармонией, инструментовкой, анализом формы, композицией и сольфеджио. Обычные предметы были представлены скучно. Я продолжала дома заниматься с педагогами, которых ненавидела. На самом деле, оглядываясь назад, могу сказать, что консерваторский курс был не так уж плох. Мы получали широкий объём знаний, на последнем экзамене по литературе я должна была написать сочинение по “Леди Макбет”.

Родители водили меня в Большой театр, чтобы расширить мой кругозор. Мы слышали и видели много знаменитых артистов, но я ненавидела спектакли, так как в них было много убийц и призраков. На самом деле я в то время была не очень увлечена музыкой. Меня интересовало всё, особенно люди.

Я обучалась на арфе у Ксении Александровны Эрдели [см. *фото 6*], элегантной дилетантки, первой арфы оркестра Большого театра. Через три года она вышла замуж за гвардейского офицера и вынуждена была уйти. К этому времени мой профессор по фортепиано настаивал, чтобы я выбрала фортепиано, но, к счастью, мои родители отдали предпочтение арфе. Выбор арфы привёл к очень большому напряжению. Я продолжала заниматься, но уже с Александром Ивановичем Слепушкиным [см. *фото 7*], бывшим гвардейским офицером, сыном банкира. Банк обанкротился, отец Слепушкина застрелился, и он вынужден был обеспечивать своё существование. Он поехал в Берлин с арфой, занимался по восемь часов в день в течение шести лет с Вильгельмом Поссе. Когда Слепушкин вернулся в Москву, он выдержал конкурс в Большой театр и стал профессором Московской консерватории. Слепушкин был необыкновенно добрым человеком. Он давал уроки два раза в неделю, и каждую неделю я должна была принести два новых этюда и пьесу. Это дало мне обширный репертуар.

Я любила это время. Вначале меня возила гувернантка, и часы, проведённые без неё, были восхитительны. Позже я стала ездить одна, и с тех пор у меня появились друзья. Весьма неподходящие с точки зрения моей семьи... Я была самая молодая, и певцы просили меня аккомпанировать им перед уроком. Так я познакомилась со всеми мальчиками. К четырнадцати годам я уже выступала в Консерватории, а с разрешения и вне её стен.

В это время Сергей Кусевицкий [см. *фото 8*], контрабасист Большого театра, организовал свой оркестр, кроме того он преподавал в Императорской филармонической частной школе... Кусевицкий приглашал великих музыкантов в Россию, в частности К. Дебюсси. Я постоянно играла в его оркестре, пока он не уехал.

Однажды, во время концерта он своей важной медленной походкой подошёл к пульту, его глаза сверкали. Он взял палочку, обвёл глазами внимательно каждую группу и дал вступление. Первая пьеса была Ф. Листа “Мефисто-вальс”. В какой-то момент он дал неверное вступление, и я, совершенно уверенная, показала — “нет” и вступила в правильном месте. В антракте он меня вызвал, оглядел с ног до головы. Вдруг встал, взял за плечи и сказал: “Вы были правы”, и я ответила: “Я знаю”. Я никогда не боялась людей, ...но сейчас, если бы Пьер Булез дал неправильное вступление, я бы вступила».

В передаче по ВВС в 1965 году Мария Александровна рассказывала о Кусевицком, который играл со своим оркестром все премьеры А. Скрябина. Иногда он брал до двадцати репетиций, Скрябин всегда стоял рядом, и музыканты считали, что он вдохновляет Кусевицкого. Результат был превосходный, и тогда, пишет Корчинская, она действительно полюбила музыку. В этом оркестре она играла всю войну и, кроме того, в тот период дала много сольных концертов.

Вернёмся к автобиографии. Мария Александровна вспоминает встречи с великими музыкантами.

«Я помню Артура Никиша. Он дирижировал в Консерватории, когда мне было четырнадцать-пятнадцать лет. На меня это не произвело большого впечатления. Но потом мы выступали с М. Ипполитовым-Ивановым, А. Скрябиным, С. Рахманиновым, А. Глазуновым. Это был золотой век Консерватории. Один гастролёр произвёл на меня большое впечатление, это был Дебюсси. К этому времени я уже полюбила музыку и никогда не забуду его прекрасные, спокойные, замечательные руки. Другим гастролёром был бельгийский скрипач Эжен Изаи, и я была приглашена играть в зал Дворянского собрания (Колонный зал). Точно

не помню, какой концерт он играл. Медленная часть была написана для скрипки, арфы и органа. Репетиция прошла удачно, и я чувствовала себя уверенной в пяти страницах арпеджио, которые мне предстояло сыграть. На концерте всё шло гладко, как вдруг на второй странице погас свет. Если бы это случилось сейчас, я бы не смогла продолжить, но тогда это был своего рода вызов. Я знала партию наизусть, Изаи продолжал, органист тоже, и я продолжила. На последнем аккорде вспыхнул свет, и зал буквально взорвался от аплодисментов. Все встали, требовали повторения. Позже, когда моя гувернантка ожидала меня, чтобы отвезти домой, я поняла, что агент Изаи сделал мне предложение участвовать в концертном турне с маэстро. Я отклонила предложение и поспешила домой, ничего не говоря отцу, который бы решил, что я себя продемонстрировала.

По консерваторским меркам моя дисциплина была скандальной. Это случилось, когда немецкий дирижёр приехал дирижировать музыкой Р. Вагнера. Репетиция прошла хорошо, и мне сказали, что произведение, где я буду занята, пойдёт первым номером второго отделения. Во время первого отделения я сидела в зале и болтала с друзьями, не слушая ничего, так как в то время я не интересовалась музыкой. Вдруг один из них сказал: “Мария, ты здесь?”, “А что они играют?” Оказалось, что порядок изменили, и это было моё произведение. Я выбежала из зала, бросилась на сцену, села и через два такта вступила, где требовалось. Никто в оркестре, ни дирижёр ничего не заметили, но в антракте меня вызвали в дирекцию, и Mme. Goubert (Губерт) спросила: “Ты сумасшедшая?” Я ответила, что не знаю. “Что ты делала, где ты была?” Я объяснила. “Разве ты не слышала объявление?” Она сказала, что ставит мне самую низкую отметку за поведение. Я поняла, что это означает исключение, но мне был дан

один шанс. Я знала, что эта угроза не была реальной, и ничего не сказала дома. Об этом никогда не упоминалось, но это была скандальная история.

В 1911 году я сдала мой последний экзамен в Консерватории² и получила первую золотую медаль среди арфистов».

Диплом Корчинской и его обложка с пометкой «малая золотая медаль» также сохранились в архиве МГК (*фото 10*). Имя Марии Корчинской выгравировано золотыми буквами на мраморной доске у Малого зала Консерватории (*фото 11*).

Далее в автобиографии Корчинская писала:

«Так окончились мои счастливые шесть лет. Теперь я знала общественную и музыкальную жизнь, имела приятелей, которые ждали меня на каждом углу, чтобы проводить домой, но не дальше. По мнению моих родителей, гулять с мальчиками было неприлично, даже разговаривать с мужчинами было нельзя. Когда я вернулась домой после окончания Консерватории, мой отец сказал: “Я думаю, ты повзрослела. Брось своих отрицательных друзей и начни работать правильно”. Я не была готова бросать моих друзей, но ответила, что теперь хочу поступить в университет. Мне достаточно арфы, я хочу быть доктором или юристом. Я пошла в вечернюю школу для того, чтобы изучать латинский и греческий. Но здесь преподавали иначе, чем в Консерватории, мне казалось это не трудным, хотя я не особенно сильна в грамматике.

Я посетила госпиталь, но не могла смотреть на операции, поэтому через месяц мне предложили уйти. Всё это время я продолжала играть на арфе, частично, чтобы платить за классы, так как считала, что должна быть независимой и не брать деньги у родителей.

² Выпуск Московской консерватории 1911 года см. на *фото 9*.

Я пошла в университет, чтобы изучать право, но пришла война, и надо было зарабатывать на жизнь, сочетать выступления и учёбу было невозможно.

Я никогда не бросала моих друзей, но у моего отца был свой план. Его пригласили на конференцию в Америку на семь-десять дней, как раз вскоре после гибели “Титаника”. Он взял меня с собой. Для меня это была замечательная поездка. Отец взял с собой двух своих студентов. Один — чересчур уравновешенный, а второй начал за мной ухаживать. Отец считал, что я должна вести себя соответственно. Позже он взял меня с собой в Италию, и со мной начал флиртовать ответственный за письма до востребования.

Спустя несколько дней мы поехали путешествовать по знаменитым достопримечательностям в сопровождении двух мужчин. В отеле я нашла огромный букет красных роз, который во избежание скандала выбросила в окно с пятого этажа. Наконец, пожилой мужчина сделал мне предложение. Я была возмущена и предложила ему поговорить с отцом. К счастью, он этого не сделал. Я решила больше никогда не ездить с моим отцом, это было очень опасно.

Часть плана моего отца была провести время с моим дядей, губернатором Кавказа. Мне нравился его дом, но я предпочитала Москву и моих друзей. Второй раз через год я снова была у дяди. Мне нравилась его жена, моя тётя. Она была очень добра, маленькая и шикарная, носила восхитительные драгоценности и платья от Worth из Парижа. Но я заметила, что дядя стал ко мне слишком неравнодушен, я была шокирована и после этого отказалась туда ездить».

* * *

К сожалению, на этом автобиография обрывается. Далее в книге использованы материалы, которые приводит Николай Ламперт, внучатый племянник Марии Алексан-

дровны, в своём очерке. Он также использует автобиографию Корчинской, а дальнейшие события её жизни он проследил по материалам из архива её дочери Натали Брук, свидетельствам её учеников и коллег, публикациям и фотографиям, афишам концертов. Получился довольно объёмный и очень интересный труд.

Очерк Николая Ламперта делится на главы. После первой главы, которая полностью повторяет автобиографию Корчинской, следует вторая глава под названием «Революция».

Революция

«Профессия помогла мне пережить революцию», — вспоминала Корчинская. В 1918 году Слепушкин ушёл из жизни, и Мария Александровна начала преподавать в Консерватории и стала первой солисткой оркестра Большого театра, давала бесчисленные концерты. В 1919 году в консерватории состоялся концерт памяти Слепушкина (*фото 12*).

Как государственная служащая она имела Белую карточку, которая давала ей тот же паёк и привилегии, что и солдату Красной Армии. За концерты в клубе Красной Армии платили продуктами, и это был, по словам Корчинской, «фантастический гонорар», который помогал выжить всей семье.

«Попасть в клуб было не просто: со мной беседовал комиссар по культуре и спрашивал сурово, что я делаю. Я отвечала, что играю на арфе. “А можете сыграть драму?” Я была готова хихикнуть, но понимая, что за этим стоит сахар, соль, хлеб и даже фунт мяса, я ответила очень серьёзно: “Да, я могу сыграть драму и, если надо, комедию”.

И я получила работу, и повезла свою арфу за пять миль в пригород Москвы, где был клуб Красной Армии. Я выживала в этом клубе в течение двух месяцев.

В то время многие мои друзья были арестованы и, когда мне предложили выступить вместе с Ф. И. Шаляпиным в тюрьме ЧК, я надеялась увидеть там своих друзей. Я играла соло, аккомпанировала Шаляпину в одиннадцати коридорах с десяти утра до семи вечера, и я видела своих друзей. Но комиссар сказал, что, если я посмею заговорить с заключёнными, то могу сама оказаться за решёткой.

Я играла на похоронах Ленина в январе 1924 года. Весь оркестр Большого театра обязан был явиться к шести часам утра. Был мороз 30 градусов, мы ждали три часа, пока разрешили войти в Колонный зал (зал Дворянского собрания). Мы играли часами новый национальный гимн. Нам ничего не заплатили. В следующий раз, когда умер государственный деятель, оркестр Большого театра снова играл, им заплатили, но меня не было».

Преподавательская деятельность Корчинской в Консерватории сразу же произвела большое впечатление (её класс в 1922 году см. на *фото 13*).

Среди её учеников была Вера Дулова, самая знаменитая советская арфистка своего времени. Прошло сорок лет, и педагог со студенткой встретились на Международной Неделе арфы в Голландии. Мария Александровна была удивлена, что её помнят, не забыли.

В архиве Московской государственной консерватории заботливо хранятся также документы тех лет, когда Мария Александровна там преподавала. Сохранилась подлинная обложка «дела» Корчинской, её удостоверение преподавателя (*фото 14–16*). Также мы располагаем запиской-разрешением на выезд за рубеж от 1924 года и самим выездным удостоверением (*фото 17*).